

Жанна Агасян

Свеча на ветру

Избранное. Повести

Жанна Агасян
Свеча на ветру.
Избранное. Повести

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63422461
ISBN 9785005186843*

Аннотация

Две повести кинодраматурга Жанны Агасян, вошедшие в книгу «Свеча на ветру», заставляют задуматься над непростыми вопросами: как прошлое отзывается в нашей жизни? Могут ли совершенные много лет назад ошибки, неправильно сделанный выбор или чужая ложь перечеркнуть надежду на счастье? И как быть, когда человек чувствует себя жалкой игрушкой в жестоких руках судьбы?

Содержание

Давайте разберемся	5
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Свеча на ветру

Избранное. Повести

Жанна Агасян

Редактор Т. Евтеева

Корректор Е. Сергеева

Дизайнер обложки Д. Шилов

Художник Е. Запорожец

© Жанна Агасян, 2020

© Д. Шилов, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-8684-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Давайте разберемся

Повесть

1970 год

Сиротливо повисли в ночи пустые качели. Время от времени налетает на них ветер и раскачивает... Туда-обратно... Скрипят плохо смазанные качели, останавливаются, заморают, снова скрипят. С каждым взмахом скрип качелей все усиливается, и кажется, будто жалобно скулит бездомный дворовый пес... Будто зовет он людей за темными чужими глазницами пятиэтажек...

В доме напротив почти одновременно зажигаются три окна.

Окно на третьем этаже...

В нем появляется заспанное лицо девочки лет девяти. Торчат не расплетенные на ночь косички. Она смотрит вниз, на раскачивающиеся качели. Долго смотрит. Ее тонкая рука с растопыренными пальцами прижимается ладонью к стеклу окна... Скрипят, раскачиваются качели на площадке, заморают... снова скрипят.

Окно на пятом этаже...

В нем появляется женщина лет сорока... Изможденное лицо... Темные волосы рассыпаны по плечам. Дрожащие ру-

ки прижались к стеклу окна. Она долго смотрит вниз на качели.

Пронзительно скрипят, раскачиваются качели на площадке, замирают, снова скрипят...

...Вздрагивают тонкие детские пальцы на стекле окна на третьем этаже дома. Испуганное лицо девочки в окне.

...Замерли, прижались к стеклу окна на пятом этаже женские руки. Изможденное лицо женщины в окне.

Застыли на мгновение качели на детской площадке, но лишь на мгновение. Налетел ветер и... Скрип... Еще жалобнее, еще пронзительнее.

Почти одновременно:

Вздрагивает девочка в окне на третьем этаже... Вскидывает худые руки, зажимает уши и исчезает в окне.

Вскидывает руки женщина с изможденным лицом, зажимает уши и исчезает в окне пятого этажа.

Темно и тихо. Спит пятиэтажка.

Лишь одно окно не спит в этот час.

Теплая, чистая комната. Шторы задернуты. Лампа у стола зажжена. Широкая кровать с ажурным металлическим плетением. Большой тяжелый комод с множеством выдвижных ящичков. Избыток безделушек на нем. Перед комодом стоит маленькая, сухонькая старушка. Голова у нее повязана цветастым ситцевым платком. Женщина смотрит своими не по возрасту живыми, лучистыми глазами, глазами-лучиками на висящую перед ней икону, опускает голову, осеняет

себя мелким крестом.

– Помер, горемычный... Не успел пожить, как помер... свадьбу играли, а обернулось поминками... Старушка замолкает. Опускает голову.

1980 год

Современные высотные дома. На одном из них рекламная надпись: «ДОМ МОДЫ». Внизу, на входной двери, висит объявление: «В демонстрационном зале Дома моды выставка-продажа современных моделей одежды». В здание то и дело входят представительницы прекрасного пола самого разного возраста. В фойе перед гардеробом посетители сдают пальто, подходят к зеркалам. Чуть поодаль – вход в демонстрационный зал. Слева – касса, справа – столик администратора. Здесь экстравагантно одетая молодая женщина отвечает на телефонные звонки. Мимо нее пробегает молоденькая работница Дома. Тряхнув шевелюрой из бесчисленных мелких завитков черных волос, она сбегает по лестнице к гардеробу, разыскивая кого-то. Ее окликнули:

– Джексон!

Она обернулась. У кассы, при входе в демонстрационный зал, стоит группа парней. Крикнув на ходу одному из них: «Сережа, я все подготовила!» – Джексон подбегает к девушке, поджидавшей ее у входа.

– Извини, Надя, что заставила тебя ждать...

Надя вскинула на нее свои темные глаза-вишенки, улыбнулась. На вид ей было лет семнадцать. Во всем ее облике было что-то такое, что немного смущало при первом с ней знакомстве. Наверное, странный блеск неподвижных, как бы застывших глаз.

К девушкам подходит Сергей. Бросались в глаза металлические пряжки, пуговицы, значки на черной кожаной куртке парня.

Он бесцеремонно рассматривает Надю.

– Что, нравится? – усмехается Джексон.

– Высший класс, – замечает Сергей.

– Я пригласила Надю на сегодняшний показ.

Джексон обнимает Надю за плечи, ведет в демонстрационный зал.

– Я подожду вас в кафе, – говорит им Сергей.

Элегантные работницы приветливо встречают посетителей, отрывают входные билеты, провожают их в примерочные. Джексон в роли гида водит Надю от манекена к манекену. Справа и слева от них – образцы модной одежды. Темные глаза-вишенки разбегаются...

Уютное кафе Дома моды со вкусом отделано под дерево. Разноцветные витражи на окнах и на дверях. В углу лампа под оранжевым абажуром рассеивает свет над баром. Звучит приятная музыка. Молодой бармен ловко заваривает кофе по-восточному. Несколько посетителей, среди них Сергей, стоят у стойки.

Подходит Джексон. Бармен протягивает ей пирожные, кивает на Надю, сидящую за столиком.

– Где откопала?

– На телеграфе. Она помогла мне с телеграммой.

– Тебе крупно повезло.

– Не мне одной.

Джексон и Сергей подходят к Наде, расставляют на столике кофе, пирожные. Сергей садится напротив Нади:

– Ты красивая... Очень красивая... Какие-то дьявольские глаза, неземные... И откуда ты взялась такая... Марсианка...

К их столику подходят две молоденькие металлистки.

Высокие, стройные, в ладно скроенных костюмах солдатского стиля с избытком металла в мыслимых и немыслимых местах. Волосы у девушек были вздыблены, подобно металлическим прутьям. Сергей представляет их Наде:

– Белка... Стрелка.

– Сережка, угости нас всех! – Белка откровенно рассматривала Надю.

Комната звуковика Дома моды. Вся компания переместилась сюда. Стереосистемы с многочисленными колонками усилителей. На стенах висят пестрые плакаты, фотографии. В стене напротив – небольшое окошко в зал. В углу комнаты за столиком сидят Надя, Джексон, металлистки и двое ребят. Слушают музыку. Один из них, здоровенный парень, что-то оживленно рассказывает Наде.

Сергей резко выключает музыку.

– Отдохни, Малыш, расслабься.

Малыш – здоровенный парень – громко хохочет:

– Ты что, выступить перед нами решил? Все смотрят на Сергея.

– Надя, выходи за меня замуж! – неожиданно предлагает Сергей.

Повисает пауза.

– Ништя-а-к... – протянула Белка.

Сергей обводит всех веселым взглядом:

– Перекур пять минут! Прошу всех вернуться сюда!

И вся компания шумно выходит за дверь. Сергей задерживается в дверях, поворачивается к ошалевшей Наде, говорит улыбаясь:

– Ответишь на мое предложение, когда все вернемся. Ну, смелее, Марсианка...

Оставшись одна, Надя рассматривает плакаты... Кинозвезды... Эстрадные звезды... На некоторых плакатах размашистые автографы... Фотографии незнакомых ребят... Фотография Сергея... крупно. Она водит пальцем по его лицу... Глазам... Губам... Откуда-то издалека слышен гул голосов. Голоса приближаются. Надя вздрагивает, смотрит на дверь... Быстро срывает со стены фотографию Сергея и прячет в сумку. Голоса уже отчетливо слышны. Надя испуганно прижимается к стене, прикрывая следы преступления. Глаза-вишенки не моргая смотрят на дверь. Щелчок замка, и на пороге появляется Сергей, а за ним все друзья-доммо-

довцы. Он быстро подходит к Наде, притягивает ее к себе, целует. Она отвечает на его поцелуй.

– Ура! Едем в ресторан! – ликуют доммодовцы.

1970 год

Яркий солнечный день. Медленно раскачивается на солнце улыбающееся лицо девочки с косичками. Глаза под светлой челкой полуприкрыты. Торчащие по бокам косички то и дело взлетают вверх-вниз... В такт им взлетает на качелях девочка, приседает, снова взлетает... Все выше и выше над детской площадкой... туда-обратно...

А у подъезда пятиэтажки веселится, гуляет свадьба. Нарядные мужчины, женщины весело приплясывают под звуки аккордеона.

И кажется девочке на качелях, что пролетает она над всей этой разгулявшейся толпой... Девочка выпрямляется на летящих вверх качелях, откидывает голову, замирает... В тот же миг чья-то тень накрывает сзади качели и резко останавливает их. В следующее мгновение кто-то сталкивает девочку в песок. Слышен смех.

Из песочницы, куда она попала, девочка смотрит вверх. Там, на качелях, уже раскачивался мальчик, ее ровесник – темноволосый, белолицый, с большими совиными глазами в очках. Оттуда, сверху, он улыбался ей.

Девочка вскочила, побежала за качелями, пыталась пой-

мать их на лету:

– Васька-а!!! Так нечестно! Останови, слышишь?

Девочка гналась за своим обидчиком, размахивала руками... Отчаявшись, она заплакала и побежала к дому.

«Горько!» – кричали рядом. Игравшего гармониста откуда-то сверху пыталась перекрычать эстрадная певица. Раскрасневшиеся женщины дружно плясали на асфальтовой дорожке возле подъезда.

Неожиданно из подъезда напротив выбегает женщина в домашнем халате, с бигуди на голове. Раскрасневшаяся, взволнованная, она ведет за руку заплаканную девочку с косичками. Не замечая соседей, женщина внимательно разглядывает детскую площадку. Заметив промелькнувшую там белую рубашку, она метнулась в сторону, схватила камень и швырнула его в белую рубашку.

– Негодный мальчишка! Ты за что избил мою дочь?!

Она бросается к мальчику.

– Не трогал я никого! – кричит мальчик.

Их мигом обступает толпа.

– Ты в какой школе учишься?!

Девочка с косичками бросается к матери:

– Мама! Да это не он!

– Так ты мне скажешь, как тебя зовут?

Женщина трясет мальчика. Она не слышит никого и ничего рядом.

– Не трогал я твою дочь, что ты ко мне пристала? – отби-

вался мальчик.

Высокий грузный мужчина с темным ежиком волос на голове энергично расталкивает людей.

– А ну-ка пропустите! Мальчишка! Ты чего хамишь?!

Полная мужская рука хватается мальчика за ухо.

– Как ты посмел взрослой женщине сказать «ты»?

Она тебе в матери годится!

Ежик впивается своими мутными глазами в мальчика, крутит ему ухо.

– Ты что, в милицию захотел?

Весь пунцовый, скорчившись от боли, мальчик отчаянно отбивается.

– Вы же пьяный, дяденька! Оставьте меня! Вас... вас самого надо в милицию!

И тут же получает удар в нос. Кровь мгновенно заливает его белую рубашку. Загудела, засвистела толпа:

– Пьяный, говоришь? А ты ему наливал?..

– Хулиганы кругом! Жизни никакой!..

– Милицию! Милицию позовите!

– Дяденьки! Оставьте его! Он не виноват! – кричала девочка с косичками и заплакала.

К девочке подходит старушка. Маленькая, сухонькая, в цветастом платке. Ее глаза-лучики печально смотрят на происходящее.

– Баба Настя, зачем они так? Ему же больно... Что им надо от него? – плакала девочка.

– Несчастливые они, Надюша, сами не ведают, чего хотят, – грустно отвечала старушка.

– Надя! Надя! – звала женщина с бигуди на голове...

На городской улице мелькают лица прохожих, среди них – бледное лицо мальчика. Прохожие оборачиваются, смотрят ему вслед. Всклокоченные волосы, большие испуганные глаза, распухший нос. Утирая на ходу рукавом белой рубашки кровь на лице, мальчик перебегает улицу и подходит к кирпичному двухэтажному дому. На двери вывеска: «Пункт охраны общественного порядка». Мальчик быстро открывает дверь, замечает кого-то в глубине комнаты. Застывает на пороге. В светлых заплаканных глазах его появляется надежда. Дрожащим голосом он обращается в темноту комнаты:

– Скажите, куда мне обратиться? Меня... меня побил дяденька...

Из комнаты слышен насмешливый мужской голос:

– Что же ты этого дяденьку сюда не привел?

– Я... Я его не знаю. Я там случайно пробежал... Я только двор знаю... – отвечал мальчик.

– Тогда приводи сюда родителей. С ними и разберемся.

– Я сам разберусь! – дрожащим голосом проговорил мальчик и убежал.

Поздний вечер. Из окон пятиэтажки слышна музыка.

В темноте двора видна одинокая, всеми покинутая мальчишеская фигура. Он осматривается, замечает человека.

Подбегает к нему. Прохожий рассеянно смотрит на мальчика.

– А-а... явился? Ну, ну... как, а? Здорово тебя Володька отбрил?

– А в каком он подъезде живет? – обрадовался мальчик.

– Кто?

– Этот... дядя Володя? Мне нужно его найти.

– Как... Найти...

– Разобраться с ним... Я ему должен все объяснить.

Прохожий присвистнул:

– Сам объяснишь?... Ты чей будешь?

– Мне никто не нужен! Я сам разберусь! Покажите мне только, где он живет!

Прохожий кивает в сторону подъезда. Мальчик мгновенно исчезает.

Мальчик стоит перед дверью квартиры. Звонит. Ждет ответа. Щелкает замок. Светлые глаза мальчика нетерпеливо смотрят на дверь. Он громко спрашивает:

– Здесь живет дядя Володя?

Хлопает дверь перед его окровавленным носом.

Мальчик прильнул к двери... подслушивал.

– Нюр! Кто это был?

– Хулиганы!

Дрожащей рукой водит мальчик по темному дерматину двери... Срывается с места, поднимается этажом выше, останавливается перед дверью, прислушивается. С улицы по-

слышался пронзительный свист. Хлопнула внизу парадная дверь. Свист повторился. Потом все затихло. Мальчик нажал на кнопку звонка.

– Что нужно? – спросили за дверью.

– Здесь живет дядя Володя?

– Нету таких! Идите отсюда!

Еще один этаж... Еще одна дверь... Еще один вопрос...
Еще одно «Нету таких! Идите отсюда!»

Полутемная лестничная площадка. Здесь, перед дверью в квартиру, стоит мальчик. По ту сторону двери – женщина с изможденным лицом. Она разглядывает мальчика, его окровавленный нос, пятна крови на белой рубашке. Потом тревожно озирается, кажется, ищет кого-то на лестничной площадке: – Ну, входи.

Она закрывает за мальчиком дверь.

...Дверь, обитая темным дерматином.

...Тишина на площадке перед дверью.

...Пронзительный свист на улице... Раздается выстрел.

Легко взлетают качели... Туда-обратно...

Налетает ветер, раскачивает пустые качели, останавливает...

Раскачивает снова и снова. Неожиданно появляется тень. Она накрывает качели, останавливает... постепенно растворяется в воздухе...

1980 год

...Круглое, жирное, хохочущее лицо женщины. Она смеется, обнажив золотые коронки зубов.

– Держите меня!.. Караул... Чтобы Серега женился?.. Ой! Ночью разбудят, сообщат – не поверю... Ой... Мама! Мамочки мои родненькие! Сергей женится!

Женщина сидит за накрытым столом в «Славянском базаре». Веселится, гуляет в ресторане вся компания из Дома моды. Пьют за здоровье Нади и Сергея. Раскрасневшаяся, подвыпившая Джексон бросает злые взгляды на толстуху. Но та не унимается:

– Ты что же, милочка, молчишь всю дорогу? Не смотри на меня так... Я не из пугливых... Можешь спросить у своего жениха... Мужа... Ха-ха... А вообще-то, Сережка, не в службу, а в дружбу скажу тебе...

Но она не договаривает, а противно визжит. Это Малыш ущипнул ее...

– Помолчи... ты, Барменша!

– У твоей невесты, Сережка, глаза бешеные...

Барменша хватает вилку, громко стучит ею по бутылке.

– Ну посмотрите, что скажете? Не права я, что ли?! Не глаза, а тормоза!

Ее голос тонет в общем хохоте. Сергей перегибается к ней через стол:

– Ты... Барменша, еще одно слово, и я вышвырну тебя отсюда! Ты меня знаешь.

Барменша хватает салфетку, вытирает вспотевшее лицо.

– Молчу, молчу. Ну что ты, ей-богу. И пошутить не-льзя.

Она тянется за второй салфеткой, как вдруг Наде, сидевшей напротив, кажется, что эта пухлая женская рука добирается до нее... Она невольно вздрагивает. Сергей ее успокоил:

– Не обращай внимания на эту сумасшедшую.

Голос Сергея доносится до Нади откуда-то издалека. Он сливается с гулом голосов. Надя смотрит на незнакомых ей людей. Гул голосов все ближе и ближе... И пухлая рука... Вот-вот дотянется до нее.

Сергей обнимает Надю и выводит ее из-за стола:

– Друзья! Мы уходим! Гуляйте без нас!

Сергей и Надя выходят из ресторана.

– Расписываться поехали! – доносится им вслед хриплый голос Барменши и... общий хохот.

Сергей и Надя подходят к зданию Дома моды со стороны служебного входа. Сторож, пожилой мужчина, встречает их с хитрой улыбкой:

– Ночная смена?

– Мы, Степан, всего на часок, – Сергей кладет перед ним две пачки фирменных сигарет. – Будем готовиться к завтрашнему показу.

Сторож понимающе кивает ему:

– Ты только смотри, со светом поаккуратнее. В прошлый раз рубильник забыли выключить.

Сергей забирает ключи, обнимает Надю и увлекает к лестнице.

– На этот раз, Степан, все будет в порядке!

Сергей и Надя поднимаются на второй этаж. Он отворяет одну из рабочих комнат Дома моды. Надя входит и останавливается перед зеркалом во всю стену. На длинных узких столах разложены горы самых разных тканей. Повсюду торчат перья, перчатки, тесьма, бижутерия. Вдоль стены стоят манекены. Над ними – большой экран. Сергей включает его. Мелькают элегантные манекенщицы. Улыбаясь Наде, они лихо демонстрируют наряды. Надя смотрит, затаив дыхание. Мгновение и... у Сергея в руке возникает бутылка шампанского и два бокала.

– За тебя, моя Марсианка. Тебе здесь нравится?

Глаза-вишенки не отрываясь смотрят на мониторы с манекенщицами.

– Очень. Какие они красивые...

– Ты – лучше! Сейчас будешь королевой бала. Не веришь? Смотри! – Сергей подводит ее к манекенам. – Выбирай!!

Надя колеблется.

– Я разрешаю! Выбирай любое платье, шляпку, обувь.

Надя радостно целует его, хватая понравившийся ей манекен, кружит по комнате.

– Сережа! Вот это платье. И еще вот это и это!

– Примеряй! – он прижимает ее к себе, целует.

Надя замирает перед ним с платьем в руке. Сергей начи-

нает раздевать ее, медленно-медленно. Потом так же медленно принимается одевать ее. Переходят к шляпкам. Она примеряет одну шляпку за другой. Сергей прикалывает перо к ее шляпке, заглядывает в глаза:

– Все! Готово! Теперь не хватает музыки!

Включают музыку. Пьют еще по бокалу шампанского. Потом переходят к рулонам тканей. Сергей разворачивает на полу рулон за рулоном.

– Ныряй, моя Марсианка!

Он заворачивает ее в ткани. Катаются в рулонах... Целуются...

– Стоп! Вылезай! Мы забыли про спецэффекты! Заби-рай свои платья и шляпки! Выходим на помост!

Защелкали выключатели над длинным узким помостом. Демонстрационный зал освещается спецэффектами. Музыка заполняет пространство зала. Надя, бесконечно счастливая, со светящимися глазами, демонстрирует Сергею платья и шляпки. В динамике звучит голос Сергея:

– Легче. Легче. Спинка прямая. Походка плавная. По прямой, по прямой линии, та-ак, правильно, теперь головка... Откинь голову. Грациозно, та-ак, пошла плавно, красиво, руки свободные, чуть прижаты к бедрам, плечи, плечи расслаблены, совсем расслаблены, та-ак, хорошо, стоп! Готово! Сеанс окончен! Иди ко мне.

Он смотрит на часы.

– Время вышло. Поехали ко мне? Надя ответила одними

глазами.

Городская высотка. Раннее утро. Площадка с табличкой «5 этаж» на лестничной клетке. Медленно приоткрывается дверь одной из квартир, видны девичьи глаза-вишенки. Едва появившись, они исчезают. Дверь открывается, и на площадку выходят Надя и Сергей. Он запирает дверь, обнимает Надю, ведет к лифту, нажимает на кнопку вызова, ждет, зарывшись лицом в ее длинные волосы.

...Шахта лифта.

Лифт плавно опускает кабинку на первый этаж. В кабине Надя и Сергей. Он протягивает руку, чтобы открыть дверцу лифта, оборачивается к Наде, застывает под ее завораживающим взглядом. Сергей быстро проводит рукой по своему лицу, порывисто, одной рукой привлекает ее к себе... Долгий поцелуй...

Длинные тонкие пальцы Нади плавно опускаются на кнопки с цифрами: 5... 3... 1...

На этажах, за сеткой шахты лифта, мелькают лица соседей, ожидающих лифт.

В новом жилом массиве города затесался аккуратный трехэтажный домик с табличкой на двери: «ЗАГС». К площадке перед дверью то и дело подъезжают нарядные автомобили, убранные цветами, лентами, куклами. В двери ЗАГСа входят влюбленные пары, а выходят – супружеские. Молодые женихи с неестественно напряженными лицами подходят к заветной двери, оборачиваются к своим нарядным

невестам и, встретив их улыбки, застывают на доли секунды, прежде чем откроют заветную дверь...

Сюда приходят Надя и Сергей. Обняв ее за плечи, он подводит ее к ЗАГСу. Надя растерянно озирается по сторонам.

– Ну что ты, смелее, – обнимает ее Сергей.

Резкий скрежет автомобильных шин, громкий хохот, возгласы «Горько!». Надя вздрагивает, оборачивается на шум. Подъезжают Джексон, Белка, Малыш... Чья-то рука машет им шапочкой-кубанкой. Это Барменша из машины. Вся домодовская компания выскакивает из машины, позвякивая металлической бижутерией и скандируя: – Се-ре-жа! На-дя! Горь-ко!

В центре всей какофонии – Барменша.

Вмиг собирается толпа любопытных. Их окружают кольцом. Женихи, невесты... Фотографы... щелкают фотоаппараты. Свист, улюлюканье, смех...

Темные глаза-вишенки Нади впились в толпу. В них были ужас и страх одновременно. И только сейчас она замечает подъехавшую черную «Волгу». Машина была, как и положено, разукрашена лентами. На переднем бампере красовалась большая кукла. Надя отчетливо видела, что кукла была почему-то с разорванными руками и ногами... Из торса куклы торчали концы разорванной резинки... Гул голосов толпы... Торс куклы... Пухлая рука Барменши... Скрежет автомобильных шин... Это Надя чуть не угодила под колеса очередной «Волги».

Вмиг замолкает толпа.

Оставшись без невесты у дверей ЗАГСа, Сергей замечает, как на противоположной стороне улицы мелькнула и тут же исчезла убегавшая Надя. Все с любопытством наблюдают разыгравшуюся на их глазах «семейную сцену» досемейной жизни.

Мгновенно оправившись от смущения, Сергей легко сбегает вниз по ступенькам и подходит к поджидавшей его компании.

– Кончен бал, погасли свечи! – объявляет он сухо.

Заклучив Сергея в свои объятия, Барменша очень ловко бросает его на заднее сиденье машины.

– Ништя-а-к... – аплодирует Белка.

Машина разворачивается и выезжает на шоссе, набирая скорость.

1970 год

В небольшой полупустой комнатке за длинным узким столом сидят двое: следователь – по одну сторону стола и допрашиваемый, грузный мужчина с темным ежиком волос, – по другую. Черные беспокойные глаза его с надеждой смотрят на следователя.

– За что вы избили мальчика, Сашу Стахова? – задает вопрос следователь.

Секунду-другую Ежик колеблется с ответом. Потом нехо-

тя отвечает:

– Он взрослой женщине сказал: «Ты».

– А следы крови на рубахе?

– Это не мои кулаки... Это он, наверное, кошку убил...

– Что же вы схватились за ружье? Мальчика испугались?

– Нет, я только попугать хотел. И потом нас с женой соседка Нюра предупредила: «...Идет к вам с кошкой ребят»... Я за ружье и схватился... Думал, хулиганы за дверью притаились, а пацана того на разведку прислали... Я не хотел нажимать на курок... Так получилось... Само собой...

Мужчину на допросе сменяет женщина. Изможденное лицо, грустные темные глаза. Следователь задает ей вопрос:

– Свидетельница Сизова Наталья Ивановна. Знали вы, когда впускали в свой дом мальчика, Сашу Стахова, знали вы тогда, что ваш муж ждал его с охотничьим ружьем?

– Нет! Нет! Муж взял ружье, когда мальчик бросился к окну, к хулиганам... К друзьям своим... Муж мой хотел их припугнуть... Он не хотел убивать. Ружье выстрелило случайно.

Женщина нервно проводит рукой по лицу, продолжает:

– Это все свадьба виновата, Володька тогда выпил... Нет! Нет! Это все Нюрка виновата. Нюрка с первого этажа. Плачет.

Несколько секунд следователь терпеливо ждет, пока женщина закончит плакать. Наконец она откидывает голову, смотрит перед собой, начинает вспоминать...

...В комнате на стене висит большая фотография. На ней – спокойное лицо мужчины с темным ежиком волос. Под фотографией в кресле сидит его жена Наташа. Она взволнованно говорит по телефону. Темные глаза ее застыли на аппарате. В трубке слышен грубый женский голос.

Наталья рассказывает следователю о событиях той трагической ночи. Тогда соседка Нюра позвонила ей...

– Что тут непонятного! К вам поднимается! Слышь? Алло! Пацан, тот самый, ну которого Володька пришиб во дворе. А за ним, за пацаном этим, кодла его. Любера они, слышь? Вон, Колька мой подсказывает... Лю-бе-ра. У них знаешь, как поставлено? Мальца такого вот вперед пускают, чтоб все было... Ну, сама понимаешь... Наивного такого... А потом свистнут – орава налетает... И глазом не моргнете, все разнесут! Чем? Чем-чем, чем говоришь, Коль? А! Во! Я и говорю ей... Разнесут все к той самой матери... Металлическими прутами. Ты Володьку своего упреди... Алло! Слышь? Наташ!

Наталья бросает телефонную трубку, кидается в коридор... Потом на кухню... выглядывает в окно... возвращается в комнату.

– Володька! Володька!

Она бросается в спальню, быстро открывает дверь на балкон. Возвращается оттуда с охотничьим ружьем в руке.

Муж сидит на кровати. Заспанный, недовольный... Про-

тирает глаза, смотрит на жену. Пустая бутылка рядом с кроватью...

– Опять нажрался? Мало ему на свадьбе... Он еще сюда притащил!

Мутными глазами смотрит он на жену. Неожиданно вздрагивает от резкого звонка в дверь. Наталья наклоняется к нему, как бы боясь, что их услышат:

– Там малец, которого ты избил во дворе... Нюрка звонила, она видела... Он с кодлой своей пришел... Отомстить хотят... На, припугни, чтоб не лезли... Загонишь в ванну, пока я милицию вызову!

Наталья сует ему в руки охотничье ружье. Муж растерянно рассматривает ружье...

...Проходя через прихожую, мальчик не чувствовал, как ноги его касались пола, он вообще ничего не чувствовал, он делал все механически... Вот он останавливается в дверях, смотрит на блестящий паркет комнаты, на свои грязные туфли... Наклоняется, начинает расшнуровывать их... разуваться... потом выпрямляется, смотрит по сторонам.

Наталья устремляется к мужу. Мальчик идет за ней, останавливается. За окном раздается пронзительный свист. Кажется, свистели с разных концов улицы. В комнату из спальни вышел всклокоченный хозяин дома с ружьем в руке. Мальчик обращается к нему с надеждой в голосе:

– Дядя Володя, давайте разберемся.

– Нам нечего разбираться! Мотай отсюда, пока цел!

Ежик вскинул ружье, прицелился в темноту окна.

Мальчик замер – он только что заметил ружье в руках хозяина дома. Свист за окном повторился.

– Сигнал подают, – зло прошипела Наталья.

Мальчик бросился к окну:

– Это не...

В то же мгновение раздался выстрел. – Володька!!! Ирод!
Что ты наделал!

Наталья забилась в истерике. И вдруг...

Сразу же все затихло. Жуткая тишина воцарилась в квартире.

Перед дверью в комнату – пара грязных мальчишеских ботинок. Дрожащие женские руки пытаются натянуть ботинки поочередно... То на правую, то на левую ногу мальчика. Тщетно... Бессильно опустились женские руки, застыли на грязных ботинках мальчика...

Перед следователем сидит девочка Надя. Она нервно поправляет торчащие косички. В голове у девочки отчетливо слышны два женских голоса. Голоса эти перекрывают друг друга.

– Надюша, родненькая... Не перепутай ничего... Этот мальчик Саша согнал тебя тогда с качелей... Его, Сашу, за это и избили... Это тот самый мальчик, с которым все это случилось...

– Надя, Наденька... Ты понимаешь, как это важно... важно для дяди Володи... ты же его знаешь... Хорошо его пом-

нишь... Наденька, он сейчас мучается в тюрьме... за колючей проволокой... От тебя очень много зависит... не забудь. Дядя Володя не обижал Сашу... во всем был виноват сам Саша...

– Доченька, про меня ничего не перепутай... все как мы с тобой договорились и повторяли...

Надя останавливается, смотрит на следователя. Лицо у Нади тонкое, бледное, не по-детски суровое. Темные глаза-вишенки застыли.

– Расскажи нам, Надя, все, что ты видела во дворе в тот самый день, когда была свадьба, – задает вопрос следователь.

Надя отвечала четко, без запинки:

– Мама меня защищала. Я тогда плакала. Прибежала к ней со двора, и мама прямо в халате побежала на качели.

– Надя, расскажи нам все с самого начала.

Надя кивнула, четко отвечала:

– Во дворе свадьба была, и все слышали, как тот мальчик кричал моей маме: «Что ты ко мне пристала?!» А дяде Володе он кричал: «Вы же пьяный, вас самого надо в милицию!»

– Надя, а что было в самом начале? До всего того, что ты рассказала сейчас?

Надя вскинула испуганные глаза, начала неуверенно говорить:

– Меня тогда согнал с качелей Вася... Вот. Ой! – оглядывается. – Нет, нет, не Вася... Меня согнал с качелей

Саша... Да! Саша... – Так Вася или Саша?

– Мама меня тогда защищала. Она... Она швырнула камень...

– В кого швырнула камень твоя мама?

– Ну, в того самого мальчика...

Капельки пота появились на бледном лице Нади.

– Какого «того самого»? – уточняет следователь.

– Ну, с которым все это случилось... Повисла пауза.

– Попробуем помочь тебе вспомнить. Значит, Надя, получается, что мама и дядя Володя наказали в тот день твоего обидчика, мальчика, который согнал тебя с качелей?

Надя отвернулась. Молчала. Она вконец запуталась.

– Подумай спокойно, Надя. Просто назови нам имя твоего обидчика.

– Саша... – неуверенно проговорила Надя.

– Значит, получается, что тебя согнал с качелей Саша?

Девочка долго не отвечала. Ответила, так и не взглянув на судью.

– Да, это был Саша, – и облегченно вздохнула.

Городское кладбище. Утро.

Свежевырытая могила засыпана цветами.

В изголовье – крест с надписью: «Сашенька Стахов».

И две цифры: 1960—1970.

Молодая женщина в черном лежит на свежей земле... Обнимает руками могилку.

1980 год

Освещенная светом юпитеров сцена Дома моды Зайцева.

На всю середину зрительного зала тянется длинный помост. Зрительный зал заполнен зрителями. На сцене – Ведущий Модельер Дома моды, в белом парадном костюме с черной бабочкой на шее. Модно подстриженный, улыбающийся, он обращается к зрителям. Не парадно-торжественно, а доверительно, приветливо:

– Представьте себе теплый летний вечер. Вы вышли на прогулку, и вдруг... Вам навстречу идут молодые люди в непривычных повседневных костюмах. Не в надоевших джинсах с наклейками западного образца. Не в майках с яркими заокеанскими аппликациями. Не в бесформенных спортивных костюмах со вздутыми на коленях трикотажными брюками. А в таких вот костюмах...

Модельер смотрит в глубину зала, в окошечко, сделанное в стене.

– Сережа, пожалуйста, дайте нам музыку!

В то же мгновение зал заполняет приятная музыка.

На освещенный помост выходят мужчины-манекены. На них – свободного покроя русские косоворотки, расшитые узорами. Такие же брюки.

– А сейчас представьте себе, как к ним подходят та-кие же современные их подруги.

На помост выходят ультрамодные манекенщицы.

– И тогда на вашей улице бесконечно светлый день!

В комнатке звуковика Дома моды, в углу, на небольшом столике, разложены кассеты, которые Джексон тут же сортирует по полочкам. Время от времени она поглядывает на Сергея. Тот сидит перед окошечком в стене, следя за показом. Джексон подлетает к аппаратам, нажимает на нужную кнопку.

– Сколько там у него еще текста? – спрашивает Сергей, не отрывая взгляд от окошка.

– Минут на пять, – отвечает Джексон.

– Что-то наш Зайцев разговорился на все пятнадцать. Джексон внимательно слушает динамики:

– Эти простые... недорогие костюмы вы можете приобрести...
сти...

– Недорогие... недорогие... – хихикает Джексон.

– Даром поют только птички. Не нравятся цены, беги в ГУМ, ЦУМ, «Детский мир»... – бросает ей Сергей.

– Ха-ха!

Сергей щелкает пальцами. Джексон нажимает на кнопку. Меняется запись. Звучит орган.

Сергей отходит от окна. Джексон занимает его место.

В зале на помосте манекенщицы... Ярко накрашенные, в больших, кокетливо надетых на голову беретах, подходят они к манекенам... Походкой особенной, медленной, чуть утрированной... И кажется, будто двигаются они на кино-

экране с замедленной скоростью... Зрители восторженно аплодируют.

Джексон выключает музыку, перематывает пленку.

Сергей просматривает записи в журнале.

Дверь в звукоцех с шумом распаивается. Влетает Белка.

Взъерошенная больше обычного, глаза расширены, волосы вздыблены, говорит задыхаясь:

– Джексон! Держись за стул! Сейчас такое услышишь!

Она подходит к Сергею... близко, смотрит на него влюбленно-восторженно... шепчет на ухо:

– Твоя прелестная подружка... Марсианка, в день своего бракосочетания, оказывается, сбежала из... – через паузу – из психушки!

Сергей резко отстраняет ее.

– Что ты несешь? С цепи сорвалась?

– Это не я с цепи сорвалась, Сереженька, это она сорвалась... Ее обыскали... Ко мне приходили. А сейчас ее снова посадили... на цепь.

– Кто приходил? – хрипло спросил Сергей. – Какая-то старуха... Маразматичка... – В ситцевом платке? – спросила Джексон.

– Да... Откуда ты ее знаешь? Ты с ней знакома?

– Я ее на телеграфе... Мне Надя тогда помогла. Я мигом! – растерянно проговорила Джексон и выбежала вон.

Белка подходит к Сергею, обнимает его.

– Она ей помогла... А я тебе... помогу. Сережка... Не-

ужели ты променяешь меня на эту... На эту психопатку?

Невидящими глазами смотрит Сергей на крутящуюся вхолостую магнитофонную ленту...

– Еще бы немного, и я... и я бы покончила с собой после того ресторана... – шептала Белка.

Ярко покрашенные губы Белки все ближе и ближе... Сергей неистово целовал ее.

Поздний вечер. В комнате Сергея невообразимый беспорядок. На стенах – фотографии, плакаты, самодельные стеллажи, заставленные кассетами. Магнитофон с колонкой усилителей. В центре всей этой домашней стереосистемы сидит Сергей. На голове наушники. Он слушает записи... Делает пометки в блокноте... Разматывает пленку. Туда-обратно. Клеит узкую ленту, но пальцы не слушаются, дрожат. Он никак не может склеить оборванные концы ленты. Нервно срывает наушники. Подходит к телефону. Звонит.

– Алло, Малыш?.. Да, да... это я.

На том конце провода слышен громовой голос Малыша:

– Серега! Приезжай! Тут девочки – высший класс!

– Малыш, дело есть... Ты меня слышишь?

– Отлично слышу.

– Ты мог бы поговорить с Джексон? Тут такое дело...

Трубка раздражается громовым гоготом Малыша:

– Я? С Джексон? Вы что, только через динамики общаетесь?

– Кончай, дело серьезное. Мне нужно кое-что вы-

яс-нить... о Наде. Сможешь завести с Джексоном безобидный разговор?

– О какой Наде?

– Ну, помнишь? Мы ходили в «Славянский базар».

– А! Вспомнил! Это та самая... Подвинутая?

Сергей бросает трубку. Телефон зазвонил тут же.

– Послушай, Сережа! Ну что ты, как барышня Достоевского, обижаешься? Шуток, что ли, не понимаешь? Ты мне только объясни. Почему бы тебе самому... Ах, да, дошло... Держишь начальственную дистанцию. Ладно, я подбегу завтра в Моду. При тебе заведу с ней разговор, а ты записывай наш разговор на пленку. – (Смеется.) – Послушай, теперь на полном серьезе. Серега, на кой она тебе... эта Надя? Побыла птаха в клетке – выпусти, впусти следующую. Так на кой она тебе?

– Как на кой? А если бы она в брачную ночь звезданула меня утюгом?!

– Ну не звезданула же! Хотя... Хотя могла и звезда-нуть! Твоим же металлом! Ты металл свой, надеюсь, под койкой спрятал?

– Какого черта из таких заведений...

– Выпускают на волю? Серега, расслабься! Я тебя понял!

Будь другом, отпусти! Тут такие ножки... ништяк...

В комнате звуковика Моды был конец рабочего дня. Джексоном запирает шкафчик с кассетами, накрывает магнитофон кожаным чехлом, откладывает записи на столе, во-

просительно смотрит на Сергея: – Я пойду?

– Подожди секунду, я сейчас...

Сергей выходит в коридор, осматривается. На лестнице пусто. В дверь выглядывает негритянская шевелюра Джексона.

– Тебя к телефону.

Сергей бросается к телефону.

– Да ладно, Малыш, не обиделся... Ну, я же сказал тебе, не обижаюсь. Не сможешь – и не надо. Все! – Сергей бросает трубку, идет к окну.

Джексона снимает с вешалки плащ, берет сумочку, шарф, оборачивается, смотрит на Сергея. Он стоял у окна, спиной к ней. Повисла неловкая пауза.

– Кстати, ты выяснила, кто приходил в Моду... в тот день?.. Ну, я о твоей Наде говорю, – осторожно спросил Сергей.

Джексона присела на стул, начала вспоминать:

– Это бабка приходила... Она Надю разыскивала... Я ведь с ней и с Надей на телеграфе познакомилась, помнишь, я тебе говорила... Забавная такая бабка... в ситцевом платке... Настоящий божий одуванчик. Представляешь, бабка в Моду на Белку напала. Так Белка вытрясла из нее адрес телеграфа... Помчалась на Большую Полянку, наводила справки о Наде... Соперница, как-никак.

Сергей заходил по комнате:

– Я эту историю давно выкинул. И тебе советую.

Снова повисла пауза.

– Я тебе больше не нужна? Тогда я пойду?

Сергей смотрит в окно, одновременно кивая ей.

1970 год

Городской двор пятиэтажки. Беседка... стол доминошников... узорная решетка детского сада... гаражи, вплотную прилегающие к пятиэтажкам... асфальтовая дорожка у дома... подъезды... окна... Окно на третьем этаже...

Детская комната в современной квартире наполнена светом и тишиной. У окна – письменный стол. Над столом висят книжные полки. Среди книг сидит кукла, широко расставленными неживыми глазами смотрит она на спящую на кровати девочку. В комнату заглядывает мать Нади, Вера Васильевна.

– Вставай, дочка, в школу опоздаешь. И мне на работу пора.

Надя поворачивает к ней заспанное лицо. Нехотя встает. Идет в ванную комнату. Мать и дочь собираются на работу и в школу.

По широкой городской улице спешат на работу прохожие. Они заполняют утренние улицы, автобусы, вестибюли метро. Среди них – Вера Васильевна. Она подходила к зданию телеграфа.

Комната телеграфа отгорожена от посетителей высокой

стойкой-барьером. На окнах и на полу кадки с цветами. Ситцевые занавески прикрывают широкое, во всю стену, окно на улицу. Вдоль стены – телеграфные аппараты, столик диспетчера, касса, сейф. Одна за другой входят на телеграф молодые телеграфистки. Их встречает Вера Васильевна. Войдя в бытовку, они выходят переодетые и расходятся по своим рабочим местам. Вера Васильевна переводит цифры на ручном штемпеле. Она крутит диск, останавливая его на цифрах месяца и дня. Потом аккуратно макает штемпель в чернила. Легко и быстро постукивает штемпелем по листу бумаги.

Застучал аппарат на соседнем столике. Вера Васильевна читает ленту. Хлопает входная дверь. Входит баба Настя в ситцевом платке. Она здоровается со всеми. Вера Васильевна поворачивается к ней:

– Баба Настя! Кликни Наташу из бытовки, ее центральная вызывает.

Баба Настя проходит в бытовку. Оттуда она выходит уже переодетая и садится за диспетчерский столик, где регистрирует телеграммы.

– Сколько их за ночь-то прибыло...

Вера Васильевна смотрит на грудку ленты возле аппарата.

– Ты сначала банковские регистрируй. Девчата! За работу! Сегодня будет тяжелая смена!

Вера Васильевна садится за кассу возле сейфа.

Полдень. Вера Васильевна сидит на кассе, подсчитывает деньги. В углу за диспетчерским столиком баба Настя дела-

ет записи в грессбухе. Телеграфистки сосредоточенно работают за стрекочущими аппаратами. Возле барьерной стойки несколько посетителей терпеливо ждут, пока Вера Васильевна примет у них телеграммы. Хлопает входная дверь. На телеграф входит Надя с портфелем в руке.

– Проходи в бытовку, я скоро освобожусь. Что-то ты рано сегодня, – не отрываясь от работы, говорит ей мать.

Поздоровавшись со всеми, Надя подходит к барьеру. Привычным движением руки откидывает щеколду, проходит к телеграфисткам. Баба Настя улыбается девочке, придвигает к ней стул. Надя ставит на пол портфель, садится за диспетчерский столик.

– Тут с банковскими расправлюсь, а ты сортируй... Ты что такая невеселая?

– Небось, пару схватила, – крикнул кто-то сквозь стрекот телеграфных аппаратов.

Вера Васильевна откладывает грессбух и начинает принимать телеграммы. Посетители облегченно вздыхают.

Надя помогает бабе Насте сортировать телеграммы. Дверь с шумом открывается. На телеграф влетает мужчина, говорит волнуясь:

– Девушка, милая, ошибка! Я тут срочную подавал! Вы, наверное, помните! Я номер дома перепутал! Мужчина умоляюще смотрит на Веру Васильевну.

– Что раскричался? Они же на связи.

Вера Васильевна встает из-за стола, открывает сейф и,

не обращая внимания на просителя, начинает копаться в сейфе, посетители по ту сторону барьера тоскливо следят за всеми ее движениями. Легли на барьер бланки их телеграмм.

Баба Настя подходит к сидевшей рядом молоденькой телеграфистке:

– Ты успела передать его телеграмму?

– Буду я с ним разбираться, жди-ка! И без его телеграммы зашиваемся. А тебе, баба Настя, больше всех надо? – телеграфистка недовольно передернула плечами.

– Девочки, миленькие, ведь такое дело... Похоронная... – взмолился мужчина.

– Ваших похоронных тут пруд пруди!

Телеграфистка кивнула на бабу Настю:

– Вон кого просите! Она вас точно пожалеет!

Поднялся шум. Начальница подняла голову:

– Девочки! Девочки! Не отвлекайтесь!

И снова дружный стрекот аппаратов.

Баба Настя передала Наде чистый бланк телеграммы.

– Отдай ему, пусть пишет новую телеграмму.

Надя подает посетителю чистый бланк:

– Пишите новую телеграмму.

Мужчина поблагодарил Надю.

Вера Васильевна снова подняла голову:

– Вот так и балуем их!

Надя одобрительно смотрит на бабу Настю.

Конец рабочего дня. Надя и баба Настя возвращаются домой. Неожиданно начался дождь. Мелькают под дождем мокрые плащи, зонты, лица прохожих. Надя поправляет капюшон куртки, забирает у бабы Насти тяжелую сумку.

– Полезай под зонт, Надюша, промокла, небось.

Они заворачивают во двор.

– Может, ты ко мне зайдешь? Мама из правления не скоро вернется. Чаю поьем.

– А пироги будут?

– Ну а как же без пирогов...

Они проходят мимо пустой детской площадки. Косые струи дождя хлестали пустые детские качели. В луже возле асфальтовой дорожки лежала большая кукла... Без головы и рук. Из пластмассового торса ее торчали концы разорванной резинки...

Надя замечает куклу, подходит поближе, останавливается. Баба Настя тихо вздыхает:

– Наказали бедняжку... Это не твоя кукла?

– Я свою куклу так не наказываю.

Надя перекладывает сумку из одной руки в другую. Они стоят под проливным дождем возле куклы и не могут отойти.

– Знаешь, Надюша, кого я вспомнила? Мальчонку того несчастного... Говорят, мать его на могилку сына все ходит... лежит на земле, могилку руками обнимает.

Она поворачивается к Наде:

– Ой, Надюша, да ты промокла совсем, пойдем, поспе-

шим.

Налетают ветер и дождь, раскачивают пустые качели. Резко скрипят качели, останавливаются. Надя вздрагивает, оборачивается...

Баба Настя поспешно входит в свой подъезд, подходит к входной двери, возится с замком, не замечая исчезнувшей Нади.

– Никак не привыкну я к этому новому замку... Ты поставь сумку на пол, тяжелая она...

Справившись с замком, баба Настя поворачивается к Наде, но девочки и след простыл. Лишь сумка у двери, оставленная Надей. Хлопает подъездная дверь вниз. Тишина. Слышно, как барабанит дождь по стеклу окна лестничной клетки.

...Из подъезда пятиэтажки выбегает Надя, оглядывается в дождливой темноте. Натягивает на голову капюшон, бежит к своему подъезду. По дороге, передумав, останавливается, подбегает к качелям... нагибается. Поднимает лежащую в луже куклу, спешит к своему подъезду.

Налетел ветер. Качели в очередной раз скрипнули. Надя испуганно оборачивается на скрип, потом толкает подъездную дверь.

...Через узкое стекло в двери видно бледное лицо

Нади. Капли дождя на нем... и кажется девочке...

...Мимо пустой детской площадки под косыми струями дождя пробежал мальчик в белой рубашке...

– Кто-то наказал бедняжку... Говорят, мать мальчонки того горюет очень... На могилке сына лежит... Обнимает ее... – слышен голос бабы Насти.

...Надя тряхнула головой – видение исчезло. Она отходит от окна, растворяясь в темноте...

Ночью. Комната Нади. Капли дождя размеренно барабаният по оконному стеклу. Надя, в ночной сорочке, стоит у окна, не шелохнувшись. Смотрит вниз, во двор. С подоконника стекает дождевая вода.

Щелкает выключатель. Комната наполняется светом. Входит Вера Васильевна. Она подходит к окну, прикрывает форточку.

– Ты почему не спишь?

– Мама, я думаю... меня тогда толкнул и бросил с качелей Вася... Вася-очкарик... Ну, помнишь, которого к нам из четвертого «Б» перевели...

Вера Васильевна удивленно смотрит на Надю.

– Тебе сон какой приснился?

Надя молчит... продолжает стоять у окна.

– А ну-ка марш в кровать! – командует мать. – Час ночи, а она о каком-то Васе вспоминает, да еще из четвертого «Б».

Надя не шелохнулась, лишь обернулась к матери.

– Ма... А что бы было, если бы я тогда на суде сказала о Васе?

– Надежда! Ты слышала, что я тебе сказала? Поздно уже. Мне утром на работу. Отойди-ка от окна.

Она ведет Надю к кровати, укладывает спать, выключает свет и выходит за дверь.

Вера Васильевна в длинной ночной сорочке идет по темному коридору, останавливается, прислушивается. Долго стоит так. Потом возвращается к Наде. Осторожно приоткрывает ее дверь. В узком дверном проеме видит Надю, прижимающую к груди мокрую, оборванную куклу. Она шепчет своей кукле:

– Настенька... я не знала, что его убьют... Честное слово, не знала... Не плачь, солнышко... Что же нам с тобой делать, если наша мама все тогда перепутала... что противный Вася согнал меня с качелей...

Щелкает выключатель. Входит Вера Васильевна.

Надя испуганно смотрит на мать.

– Что с тобой, дочка? – удивляется мать.

Надя нервно дергает концы резинки, торчащие из торса куклы. Вдруг она выпрямляется, прислушивается к шуму дождя за окном, бросается в кровать и плачет навзрыд.

Мать смотрит на вздрагивающие худые плечи дочери, на куклу... Встает, подходит к окну, смотрит вниз. За окном время от времени слышится скрип качелей. Вера Васильевна отходит от окна.

– Чушь какая-то.

Заметив куклу на краю кровати, она хватается за торчащую резинку и выходит из комнаты.

1980 год

В уютном кафе Моды несколько посетителей сидят за столиками. Среди них – Белка. Входит Сергей, подходит к бару. Лицо у него усталое.

– Как обычно? – спрашивает Бармен.

Сергей кивает ему. Бармен заваривает кофе. К Сергею подлетает Белка.

– Сережка... Расстроен чем-то? От шефа влетело?

Сергей пьет кофе, молчит.

– Поехали вечером в Сокольники! Там, говорят, с телевидения будут. Журналисты, репортеры с камерами... – улыбалась Белка.

– Не поеду. Очередная клюква.

– Я свои новые стихи буду читать... Нашу новую программу.

– Ты будь поосторожнее, как бы тебя после этих стихов в психушку не забрали, – смеется Бармен.

– Ты о чем? – рассердился Сергей.

– Все о том же... Все о той же Марсианке... – хихикнула Белка.

– Сколько можно жевать одну и ту же жвачку?! Это же была обычная игра! Без документов! Кто бы принял у нас заявления в ЗАГСе? – распалялся Сергей. – Ну, скажи, кто!

– Да ты что, шуток не понимаешь? Успокойся. Лучше давай поедем вечером в Парк. Я найду за тобой в шесть часов.

Белка обнимает Сергея, целует в губы. Он отвечает на ее поцелуй.

Освещенный юпитерами городской парк «Сокольники».
Вечер.

Мелькают металлисты, металлистки... Объективы теле- и фотокамер снимают ребят. Женщина-интервьюер с микрофоном в руке записывает интервью. Она подходит к Сергею. Он отвечает на ее вопросы:

- Что вы цените у людей старше вас возрастом?..
- Честность.
- Кого вы больше любите: отца или мать? Кто вам ближе?
- Никто.
- Кто сильнее, мужчина или женщина?
- Женщина.
- Всегда ли вы говорите правду?
- Всегда.
- Стыдно ли вам за что-то в жизни?
- Нет.
- Не кажется ли вам, что ваши проблемы с родителями повторяются с вами?
- Никогда.
- Что такое совесть? Поступались вы своей совестью? – Не знаю... Пока не знаю...

Поднялся шум. Послышалось сразу несколько ответов:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.